

НОВЫЙ ХАРАКТЕР ТРАДИЦИЙ ДОКУМЕНТАЛИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ конца XX и начала XXI веков

THE NEW CHARACTER OF THE DOCUMENTALISM IN RUSSIAN LITERATURE END OF THE TWENTIETH AND THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Z. Chukueva

Annotation

This article outlines the leading role trends of journalism in contemporary literature. Often genuine life experience modificeres using the explanations of the narrator. In this work no invented figures and invented phenomenon, since the writer talks about personal existence, about the persons with whom he was personally acquainted. Related replica, tells about the creation of the works, the weights and the losses, misfortunes and disasters made by the writers, originally meant not only the timeline of events, but the chronology of the whole state. Literature tries to recover the lost, affirming diversity of ideas, as one of the core features of event-narrative prose.

Keywords: documentary, event-chronicle prose, autobiography, author-narrator, fiction.

Чукуева Зарема Нажмудиновна
К.филол.н., доцент,
Чеченский государственный
педагогический университет

Аннотация

В настоящей статье излагается ведущая роль тенденций публицистики в современной литературе. Часто подлинный жизненный опыт модифицируется с использованием пояснений рассказчика. В такой работе отсутствуют вымышленные фигуры и придуманные явления, поскольку писатель рассказывает о личном бытии, о лицах, с которыми он лично был знаком. Сопутствующие реплики, повествующие о сотворении трудов, о тягестях и потерях, несчастьях и бедствиях, вынесенных писателями, изначально подразумевают не только хронику событий, но и хронологию целого государства. Литература пытается восполнить потерянное, заявляя о разнообразии задумок, как одной из стержневых особенностей событийно-хроникальной прозы.

Ключевые слова:

Документалистика, событийно-хроникальная проза, автобиографизм, автор-повествователь, художественная проза.

Писатели 80–90-х годов создали модифицированную событийно-хроникальную автобиографическую литературу, что позволило современным исследователям в этой области представить и расширить разнообразный контингент документалистики.

Понятие "документальность" в литературе трактуется неоднозначно. К примеру, И. Некрасова не разграничивает понятия "документальность", "мемуары", "автобиография". Она поддерживает и расширяет понятие "это социально-культурное представление о документе с коммуникативными эффектами [7; 130].

В 90-х гг. XX века автобиографическая составляющая документализма становится актуальной. Это обусловлено доминирующей мозаичностью (за исключением романов С. Гандлевского, А. Чудакова и Вл. Новикова), – художественным признаком, который неотвратимо отправляет читателя к ряду отечественных авторов: А. Розанову, С. Довлатову, В. Т. Шаламову. Другим фактором, характеризующим целостность автобиографизма, является то, что чаще всего круг героев данных произведений представлен опытными специалистами критического творчества (М. Безродный, А. Генис, М. Гаспаров, А. Жолковский, Вл. Новиков, А. Чудаков), или лица, не отде-

ляющие литературную деятельность от вызванных ею узкоспециальных реакций (Евг. Попов, Д. Галковский, А. Сергеев, С. Гандлевский, Г. Брускин) [5; 48].

Эти признаки документализма весьма своеобразны, поскольку фантазия, фиктивность функционируют не совсем рядовым способом. Они представлены в единстве событийной и эмоциональной достоверности, представляя некий синтез, психологически окрашенный, но документальный. М. Липовецкий, говоря об этой особенности пишет: "В сущности, практически во всех этих произведениях происходит ревизия традиционной (модернистской) концепции личности как некоей целостности" [6; 203].

Аналитико-синтезирующий подход в документализме позволяет познать новый запас сведений. Так, к примеру, хроникально-событийное произведение Ольги Зондберг "Отрывной календарь навсегда" (2000) – содержит синтетический подход. Основанием для подобной классификации служит то, что произведения этого рода, именуются "интенсивной прозой" оттого, что приблизительно третья часть повествования отображает конкретное путешествие героини в Восточную Европу.

Кажется, что сам участвуешь непредсказуемо в событиях, однако именно критерий отстраненности помогает ощутить контакт с разными временными промежутками и уровнями реальности. Ключевыми сюжетобразующими действиями при таком литературном подходе служит фиксация личного контакта с Прагой, с героиней, прогуливающейся по городу и ее душевное бытие. В жанровом плане отражена скрытая сущность события / явления, его внутренние движущие силы, закономерность развития.

В каждом эпизоде документального произведения выделяется хроникальный фиксатор, однако отсутствует (в противоположность научной и официально-деловой литературе) необходимость аргументировать тезис о том, относится ли документ к архивным источникам либо представляет собой копирование текста. В данной ситуации важно отметить склонность писателя придерживаться архивных бумаг и соблюдать необходимую вымышленность происходящего. Индивидуализм, источник автором, распространяется в обществе и является условным, а порой весьма действенным приемом осмысления собственного присутствия в окружающем пространстве.

Подобное утверждение можно встретить у критика Ю. Суровцева. В монографии об эстетических течениях второй половины XX века он подчеркивает обессиливание событийности в прозе: "Наше динамическое время во многих произведениях воплощается больше в разговорах" [10; 392]. Фантазийные и одновременно экспрессивно насыщенные и легко распознаваемые качества действительности служат кодом для постижения личности собственного места в обществе и для необходимой трансформации данного места.

Эстетический компонент, наблюдаемый в антропологическом моменте подлинного хроникального течения, позволяет автору художественно точно обнаружить моральные ценности времени в их разнообразии и неповторимости. Одновременно с этим, поза и расположение личности в мироздании предстают раскрытыми. Этот процесс глубоко отражен в записях и выступлениях И. Дедкова, напечатанных в журнале "Свободная мысль" (№№ 9–10 1995 год). Дневниковые тексты можно назвать печальными и утомленными, поскольку писатель уже тогда предчувствовал, что происходящие социальные преобразования направлены не в той линии, в какой ориентирована благостная дума середины века (60–е гг. XX в.): "Временные распорядители жизни" – это не только те, кого мы сегодня называем "новыми русскими", но и сама новая пресса. И литература тоже впитывает и перерабатывает эту жизнь, рефлексировав сама над своей судьбой и потерей своей "ведущей и руководящей роли" [4; 176].

Такая откровенность даже в случае пронизательного одиночества (проза С. Львовского) приобретает коммуникативную функцию, она становится действующим методом по налаживанию контакта с различными этносами, этническими группами и с окружающей средой. Автобиографизм в роли действующей субстанции присутствует в прозе И. Бражникова (повесть "Кулинар Гуров", 2002), в современных работах С. Львовского и О. Зондберг ("Отрывной календарь навсегда").

В документальных повестях С. Львовского и О. Зондберг отражены традиционные тенденции социального плана: их герои являются представителями среднего класса, молодые люди самых популярных сегодня профессий: менеджеры, журналисты, рекламные агенты, секретари. Каждый из них, как и в литературе XIX–XX веков, затерян в большом городе; эти "маленькие" люди живут на окраинах или выселках в "своем замкнутом мире", в мире, до которого никому нет дела. О. Зондберг формулирует главную идею времени – странички истории: "Неприкосновенность частной жизни подведет нас к той черте, за которой исчезают все прочие принимаемые жизнью формы, с ними я буду вымирать поодиночке" ("Отрывной календарь навсегда"). По мнению А. Урицкого ("Тонкие круги одиночества", 2003 год) героев документальной повести можно сравнить с "новогодней ёлкой", которая востребована один раз в году [11; 49].

Элемент индивидуализации предполагает расположение в фокусе текста самой фигуры творца, который информирует частные детали жизнеописания. В процессе изложения всей сути присутствуют наводящие недомолвки либо появляется личность самого писателя, его генезис, возрастные и профессиональные качества. Фиксируется аналогично тонкость личных обстоятельств: частные эмоции в различных ситуациях в контакте с персонажами, ощущение, отграничиваемое от познанного. Подобный автобиографический жанр аналитики порой обозначают как "эпос частного выживания" [9; 71].

Настоящие особенности индивидуализма чаще всего соотносят с характерными приметами однообразия и сопоставляют фигуру писателя с группой современных ему людей, в частности земляков и читателей.

Системная направленность обмолвок, к примеру, наблюдается в романе О. Павлова "В безбожных переулках" (2003). Изложение советского, чаще постсоветского времени неизменно характеризуется рядовыми качествами: отнесенность к единому поколению, к коллективу специалистов, к общей географической площади, к этнической принадлежности.

В публицистических произведениях А. Терца ("Спокойной ночи!", 1983), А. Сергеева "Альбом для марок",

1997), А. Чудакова "Ложится мгла на старые ступени", 2000) основная цель строится на собственной базе биографической субстанции своеобразного хроникально действующего лица. Однако в авторской позиции не наблюдается осязаемое различие между милитаризованными кадрами активного автора-повествователя и репортажами "с натуры" периодов чеченских походов. Героика подлинна даже в тех ситуациях, когда она подтверждает охрану безукоризненности самой личностью. Применительно к тем условиям, когда происходит ущемление возможностей человека на волю и самостоятельность (примером может служить малая эпика В.Т. Шаламова "Последний бой майора Пугачева", 1998). Взаимодействие автора с настоящим действующим лицом оказывается дорогой постижения, эстетического переустройства собственного бытия [3; 89].

Довольно часто подлинный жизненный опыт модифицируется с помощью пояснений рассказчика. В таком документальном жанре отсутствуют вымышленные фигуры и придуманные явления вследствие того, что писатель рассказывает о личном бытии, о лицах, с которыми свела его судьба. Сопутствующие реплики, которые повествуют о сотворении трудов, о бытии и участии, тягестях и потерях, несчастьях и бедствиях, пережитых писателями, изначально подразумевают не только хронику сотворения, но и хронологию целого государства. Одновременно с этим информационный материал отражает современный период "перестройки", называемую эпохальной. Данный процесс влияет на "внутреннюю" сферу публики, которая отгорожена от происходящей действительности определенным / неопределенным расстоянием.

Данный фактор (расстояние) обладает словесно обусловленным качеством, которое преподносится либо временем, либо территорией. Так, центральный персонаж писателя А. Проханова является профессиональным словесником, в частности, журналистом.

В жизненной ситуации, когда герой предстает не просто корреспондентом, а режиссером-документалистом или художником, он отправляется в путешествие с целью осознать и зафиксировать случившееся событие в собственных тезисах, комментариях или кадровых эпизодах. Доблесть такого типа характеризуется в современном обществе как отпор существующему беспределу, поднятому на вершину тотальной нормы. В пример этому, подпадают суждения Г. Белля: "Следовало бы увековечить память тех, кто совершил почетное преступление неповиновения приказу и погиб потому, что не хотел убивать и разрушать" [12; 189]. Определенно имеется в виду личность, располагающая особым даром и способная рассказать об испытанном остальным окружающим, транслировать личные сведения, привлечь их к соучастию в случившемся [1; 8].

В событийно-хроникальной прозе 2000-х годов автобиографизм представлен следующими отличительными признаками: причастие к наружным подробностям и явлениям (к примеру, в "Патологии" у З. Прилепина), или внимание к личным волнениям и чувствам. В таком направлении сюжетная линия продвигается методом включения в текст своеобразных писательских упоров, которые придают экспрессивную грань изложения, а значит, – и его продуктивность при восприятии читателем. Для того, чтобы добиться желаемого эффекта писатель воздействует одновременно эпическим и лирическим способом, наделяя этим своего персонажа (к примеру, у Н.Н. Прокудина в "Постарайся вернуться живым"). Автор повествует о фронтах уже в текущем, новом веке, называя тех, "кто подставлял себя под пули ради спасения других", героями ратных достижений и наградений. Избрание писателями фронтовой проблематики отражает собственно-биографические и хроникально-событийные факторы, как исключительно вероятный, на их взгляд, путь к жизненной истине.

В каждом текстовом эпизоде подобной отечественной литературе конца XX начала XXI веков присутствует неповторимый хронологический стиль, нейтральное название протекающих явлений (независимых напрямую от военных операций). Кроме этого, содержится комментарий автора о сути нравственного понятийного аппарата: "долг", "боязнь", "покорность". Следствием таких рассуждений становятся колоритные формулировки типа: "Война – это скопление всех вселенских сил... Темных и светлых... Здесь души сшибаются с душами..." (В. Николаев "Живой в помощи...") [8; 21]. Присутствие автора-повествователя в тексте придает изложению такой признак, как возможность бытийного присутствия в нелогично трансформирующемся либо необъяснимом мироздании. Писатель не может изменить данные о своей судьбе, однако непосредственно по ее очертаниям можно выразить собственный эстетический взгляд на нее.

Хроникальная основа в записках афганца – В.Н. Николаева опирается не столько на архивные изыскания и факты, сколько на биографические размышления автора. Центральный персонаж, которым выступает непосредственно рассказчик, восстанавливает в памяти испытанное военное событие периода 70-х гг. XX века, то есть во время обучения в военном училище и трагических событий в Афганистане.

Между реально состоявшимся прошлым писателя и моментом изложения им имеющихся воспоминаний происходит осязаемый слой авторского жизненного стажа. Литературный прием, когда писатель адресует центральному герою собственное имя, приводит к тому, что у читателя возникает убежденность в том, что изложенное является правдивой и достоверной историей.

Документализм приобретает новое звучание: отечественный боец пережил военную трагедию, однако не отчаялся, а лишь душевно утвердился в жизни и достойно перенес нелегкие тяготы. "Живой в помощи" воспринимается не как сухая документалистика, а увлекательное и поучительное чтение.

В другой современной документалистике – "Кулинар Гуров" (2003) И. Бражникова имеют место подлинные события детства и отрочества. По словам автора, в тексте приведены настоящие имена тех, кто тогда был детьми, тех, с кем он посещал детский сад. Эти герои детства и совместное бытие автора с ними оказываются фактическим материалом для некой религиозно-мистической притчи. С ребятами время от времени переговаривается кулинар того же учреждения. Эти разговоры насмешливо и синхронно, достоверно и основательно отображают коммуникационную манеру, характерную для беседы таинственного старца с последователями. Случай с кулинаром и детские волнения используются в роли условной субстанции для отображения эмоций не только детской, но и совершеннолетней личности.

Новый характер традиций документализма проявляется и в произведении А. Гостевой "Travel Агнец" (2001), в котором художественное начало признается весьма модернистским, однако связанным по происхождению с западным так называемым "новым журнализмом". Возникновение образа героя-журналиста в современной отечественной прозе не случаен. "Новый журнализм" был постигнут либо основательно повторен В. Аксеновым в его повести "Круглые сутки нон-стоп". Восприятие произведений названных авторов оказывается системно аналогичное: внушительный, до компонентов выведенный образ автора представлен в роли ведущего изложения фактов, событий, исторических процессов. Надо подчеркнуть, в традиционно в документализме выведены запоминающиеся родственные лица: отец, дед, бабушка, и следом – изображение других родственников и товарищей.

В отечественной литературе XXI века в прозаических художественных произведениях часто содержится документальный фактор, который включает различные приказы, справки, отчеты, доклады. Ярким примером стали романы и повести Л. Улицкой "Даниэль Штайн, переводчик" (2006), "Священный мусор" (2012), "Лестница Якова" (2015).

В романе "Даниэль Штайн, переводчик" автор подчеркивает достоверность событий, включая фрагменты "из биографии", "надписи к фотографиям", разнообразные ремарки. Введение образа Папы Римского Иоанна Павла II придают произведению историчность и правдивость. В самом тексте романа встречаются письма Л.

Улицкой, повествующие о работе автора над созданием своего шедевра. В данном художественном произведении дана установка на подлинность событий и исторических личностей, что приводит к восприятию книги в качестве документальной.

Другое её произведение – "Священный мусор", отражает биографию самого автора. Л. Улицкая строит свой диалог с читателями с помощью художественных образов и личной семейной истории. Эта тематика расширена в романе "Лестница Якова": события охватывают большой промежуток времени – с 1905 по 2011 год – семьи Осецких, соотносимых с историей России. Новизна характера традиций документализма прослеживается в следующих тенденциях: обилие подробных описаний быта, скрупулезная детализация, введение писем, дневников в само содержание романа. Происходит процесс преобразования в одно целое мемуарной, автобиографической и документальной составляющих. На основании этого, можно сказать, что подлинные воспоминания Л. Улицкая модернизировала, её переосмысление исторических событий привело к созданию нового направления художественной прозы с элементами документализма [71; 132].

Отметим ещё одно направление в документализме отечественной литературы, так называемый "новый реализм". Внимание привлекает событийно-хроникальный сюжет А. Варламова во многих автобиографических произведениях. С использованием метода игры слов писатель пытается закрепить райские уголки детства, например в романе "Купавна" ? это белоцветное сочетание купальского огня, волшебных трав и купели. Натурально содержащий слой собственного детства автор показывает через многочисленные перечисления, упоминая все природные и садоводческие подробности: "долгие дни, измеряемые цветением и созреванием клубники, смородины, малины и вишни, падающими яблоками, огурцами, патиссонами, кабачками, первыми клубнями молодой картошки, заготовкой варений, походами в лес за грибами и купанием"; в саду "были нарциссы, тюльпаны и анютины глазки, незабудки, колокольчики и ромашки, флоксы, пионы и ирисы, васильки, крокусы и гладиолусы, а еще георгины, астры, табак, фиалки, маргаритки, маки, ноготки, китайские гвоздики, розы, люпины, лютики и тигровые лилии"; "все лето пололи, поливали, пасынковали, окучивали, подвязывали, подкармливали, опрыскивали, боролись с вредителями и болезнями" [2; 53].

В итоге, методом постижения подобного авторского насыщенного и многогранного очерчивания подлинного бытия повествователя достигается подлинность и автобиографичность произведения. Ведущей целью такого рода публицистики оказывается оптимальное присутствие автора. Однако, подчеркнём, имеется в виду нали-

чие не писательского лица, а мобильного и душевно цельного его проявления в собственном диалоге или полилоге с окружающим миром. В настоящих, автобиографически и личностно-обусловленных качествах и состоит художественный резерв событийно-хроникального творения.

Актуальным вопросом в отечественной литературе остается установление типологии документализма, по-

скольку тематика многообразна: здесь и истории из жизни, и документы памяти, и письма-воспоминания, и автобиография, и документ событийности. Новые составляющие документальной прозы, построенные на сюжеторазличных стратегиях, наблюдаемые в литературе XXI века, способствуют формированию у читателей целостной картины окружающего мира, мира, в котором существенное место занимает точка зрения автора, его оценка истории развития страны и реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 2009. – 424с.
2. Варламов, А. Купавна [Текст] / А.Варламов // Новый мир. – 2000. – № 10-11. – С. 7-66; С. 31-66.
3. Гамзатов, Г. Преодоление. Становление. Обновление: На путях формирования дагест. сов. лит. [Текст] / Г. Гамзатов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2006. – 461 с.
4. Дедков, И. Василь Быков: Очерк творчества [Текст] / И. Дедков. – М.: Сов. писатель, 1980. – 288 с.
5. Залыгин, С. Черты документальности [Текст] / С.Залыгин // Вопр. лит. – 1970. – № 2. – С. 48.
6. Липовецкий, М. ПМС (постмодернизм сегодня) [Текст] / М. Липовецкий // Знамя. – 2002. – №5. – С. 200-211.
7. Некрасова И. Расширение границ документального в произведениях новейшей русской литературы [Текст] / И. Некрасова // Филология и культура. – 2016. – № 3 (45). – С.129-133./
8. Николаев, В. Живой в помощи [Текст] / В. Николаев // Роман-журнал XXI ВЕК. – 2000. – № 2. – С. 20-73.
9. Оляндер, Л.К. Документалистика о Великой Отечественной войне [Текст] / Л.К. Оляндер. – Львов: Свит, 1990. – 143 с.
10. Суровцев, Ю. В 70-е и сегодня: Очерки теории и практики современного литературного процесса [Текст] / Ю. Суровцев. – М.: Сов. писатель, 1985. – 574 с.
11. Урицкий А. Тонкие круги одиночества [Текст] / А. Урицкий // Дружба народов. – 2003. – № 10. – С.49-57.
12. Циплаков, Г. При чем тут маркетинг? (Средний класс как вопрос русской литературы XXI века между жанрами) [Текст] / Г. Циплаков // Знамя. – 2006. – №4. – С. 179-191.

© З.Н. Чукуева, (turkdgp@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

